

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Бондаренко Ю. Я. - к.ф.н., профессор Костанайского государственного университета имени А.Байтұрсынова

Бондаренко О.Ю. - кандидат культурологии, г. Москва

Статья посвящена изложению размышлений авторов о взаимосвязи национальных языков и языков культуры, о проблемах, порождаемых нашим временем и о поисках путей их решения. Авторы акцентируют внимание на необходимости панорамного рассмотрения языка культуры, то есть специфике языка социокультурной сферы, в пределах которой осуществляется коммуникация определенных групп людей и крупных человеческих общностей, которые формально могут быть носителями одного языка, но на практике понимать ограниченно или фактически не понимать друг друга в зависимости, в зависимости от того, с какими гранями и пластами языка связаны их миры. Сегодня, рассматриваемые статье проблемы, встают особенно остро в силу целого комплекса объективных и субъективных факторов. С одной стороны, они определяются ускорением темпов технического развития, с другой – сменой социокультурных парадигм и соответствующих им языковых реалий, включающих имена, системы образов и вербальных координат. Все это требует дальнейшего современного осмысления обозначенной проблемы. Проблемы, от успешного решения которой зависит, как совершенствование методов обучения, так и воспитательной работы.

Ключевые слова: язык, язык культуры, социокультурные процессы, концепты, образы

ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ПӘНДЕРІН ЗЕРДЕЛЕУДЕГІ МӘДЕНИЕТ ТІЛІНІҢ МӘСЕЛЕСІ

Бондаренко Ю. Я. - ф.ғ.к., А.Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университетінің профессоры

Бондаренко О.Ю. – мәдениеттану кандидаты, Мәскеу қ.

Мақалада қазіргі уақытымыздағы туылған мәселелер және олардың шешім табу жолдарының ұлттық тілдерінің байланысы және тілдердің мәдениеті туралы авторлардың ой - толғауы өте терең түрде қарастырылады.

Авторлар өз назарын тіл мәдениетін кешенді түрде қарау керек екендігін айтады, өйткені адам формальді түрде бір тілді жақсы түсініп, танып біледі, қарым-қатынас жасайды, бірақ тәжірибе түрінде басқаша, қарым - қатынастары тіл білмегендіктен шектеліп, немесе бір бірін тіпті түсінбей қалады. Бүгінгі қарастырылған мақаладағы мәселелер объективті және субъективті факторлардың көкейкесті мәселелері алдымызда анықталып тұр. Бір жағынан техникалық даму қарқын, екінші жағынан әлеуметтік мәдени парадигмалар мен тіл жағынан сәйкестігі, атаулар, бейне жүйесі және вербальді координаттарын белгілейді. Осының бәрі алдымыздағы тұрған мәселенің қазіргі уақытқа сай ой - толғаныстарын талап етеді. Дұрыс шешім қабылдаудан оқыту әдісінің жақсарғанымен бірге, тәрбие жұмыстары да жетілдіріледі.

Негізгі сөздер: тіл, тіл мәдениеті, әлеуметтік мәдени процестер, концептілер, бейнелер

ISSUES OF LANGUAGE OF CULTURE IN STUDY OF SOCIAL AND HUMANITARIAN DISCIPLINES

Bondarenko U. Ya. – Candidate of Philological Sciences, Professor of A. Baitursynov Kostanay State University

Bondarenko O.U. - Candidate of Culturology (Moscow)

The article is devoted to the discourse of the authors about the relations between national languages and languages of culture, the issues aroused by modern time and about the ways of solving them. The authors concentrate the attention on the necessity of panoramic consideration of the language of culture, i.e. on specifics of language of sociocultural sphere, within the boundaries of which the communication of certain groups of people and communities is conducted, while those groups may formally be native-speakers of the same language, but still have a restricted or no practical understanding at all depending on which parts of the language their worlds are related to. Nowadays, the issues addressed in the article are especially critical due to a complex of objective and subjective factors. On one hand, they are defined by intensification of the pace of technical development, on the other hand – by sociocultural paradigm shift and related language fundamentals, including names, systems of images and verbal coordinates. All

of that demands further contemporary insight of the problem defined; the problem, a successful solution of which involves the advancement of study methods, as well as character building.

Key words: language, language of culture, sociocultural processes, concepts, images

Акцентируя внимание на обозначенных в статье проблемах, уместно вспомнить традиционные определения языка. Одни из них можно встретить в специальных словарях, в частности, философских, другие – в обычных. Пример первых – классическое определение советских лет, данное в пятитомной «Философской энциклопедии»: «**Язык** – система знаков, служащая средством человеческого общения, мышления и выражения. С помощью языка осуществляется познание мира, в Я. объективируется самосознание личности. Я. является специфическим социальным средством хранения и передачи информации, а также управления человеческим поведением...» (1, с.604)

Касаясь вопросов языка, обычно выделяют национальные языки, диалекты, сленг, «профессиональные языки», связанные с той или иной сферой человеческой деятельности и др. А в знаменитом «Словаре русского языка» С.И.Ожегова выделены язык литературный, «как письменно закрепленный и обработанный общенародный, и такие подвиды языка, как язык публицистики (2, с.846), «язык Пушкина», к которым можно было бы добавить язык науки и т.д.

Представляется, что сегодня нуждается в особом и при этом панорамном рассмотрении язык, который можно было бы выделить, как язык культуры, то есть язык той социокультурной сферы, в пределах которой осуществляется коммуникация определенных групп людей, крупных человеческих общностей, которые формально могут быть носителями одного языка, но на практике понимать, ограниченно понимать или фактически не понимать друг друга в зависимости от того, с какими гранями и пластами культуры связаны их миры.

На внешнем плане эта проблема выступает, как проблема упадка общей культуры, что многократно высмеивают такие современные сатирики, как М.Задорнов. И в самом деле, уже вузовские педагоги одного только Костаная могут вспомнить примеры того, как на вопрос, что написал Горький, звучит студенческий ответ: «Муму», а на еще более простое задание: дать примеры русской классики отвечают: «Три мушкетера». В книжном же магазине могут спросить, не опубликовал ли уже автор «Робинзона Крузо» продолжение своей книги, и услышать серьезный ответ продавца: «Сейчас посмотрю» (на дисплее компьютера). Хорошие же студенты, причем историки, могут совершенно искренне спросить: «А кто такая Зоя?» (Зоя Космодемьянская). Имена же Павлика Морозова, местных героев Великой Отечественной, равно, как и имена многих всемирно известных библейских и иных персонажей немалому числу студентов не говорят ни о чем.

В чем же дело? – В катастрофическом упадке культуры? В резком снижении интереса к чтению и собственно книге?

Думается, что проблема гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, и снижение интереса к книге как таковой лишь одна из ее граней. Речь идет о колоссальных и глобальных социокультурных процессах, усугубленных спецификой нашей отечественной истории, рассматриваемой в масштабах СССР, частью которого был и Казахстан.

На этой территории на протяжении всего лишь одного столетия не просто произошли грандиозные социальные изменения и дважды кардинально менялись системы ценностей, но и переворачивались пласты языка культуры, резко изменялась питательная среда этого языка.

К сожалению, сегодня, особенно в СМИ, больше внимания обращают на частности, детали, нежели на поиски основ происходившего и происходящего. Так, например, ряд российских историков сетует на то, что Первая мировая война со всеми подвигами солдат и офицеров русских армий и блестящими талантами полководцев в советское время оказалась «забытой», отброшенной за кулисы Истории.

Но, не вдаваясь в полемику о степени и масштабах «забытости», обратим внимание на то, что такая «забытость», такое смещение акцентов с Первой мировой на Гражданскую оказались лишь составляющей грандиознейшей смены языка культуры, при которой из этого живого языка, словно накрытые лавой Везувия сооружения и жители Помпеи, уходили из мира целые системы концептов, смысло- образов и тех наглядно-звуковых картин, которые всегда питают и обиходный, и литературный языки со всеми возможными их вариациями. Слова «прапорщик», «унтер-офицер», «есаул» уходили под воды социокультурного потолка наряду со словами из религиозно-библейского лексикона и т.д., и т.п.

Их же замещал «новояз». Но не только. Слово по мановению волшебной палочки, выростала новая социальная мифология не просто с новыми терминами, именами, но и новыми, запоминающимися образами. И этот, распространявшийся по огромной стране, а затем и за ее пределы мир образов становился неотъемлемой частью нового языка культуры, который, помимо прочего, роднила с прежним языком культуры его тяга к всеобщности. Слова «Зоя», «Чкалов», «Стаханов», «пятилетка»... вращались в основу общепонятной и, следовательно, объединяющей

разнородные массы людей культуры, Объединяющей примерно также, как прежде объединяли слова «плотник Иосиф», «Вавилонское пленение»..., потому, что они были связаны с образами и эмоциональными реакциями людей общей культуры.

При этом в годы, называвшиеся годами «строительства советского общества», в силу развития средств массовой коммуникации и ряда иных факторов язык культуры становился еще более всеобщим, нежели прежде, когда грамотность была более низкой и даже радио еще не было.

Можно по разному оценивать этот, «новый мир», можно по разному его анализировать, но при всей своей изменчивости и «разнослойности», это был мир очень быстро складывающегося определенного языка культуры.

В годы же Перестройки и развала Советского Союза кардинальные перемены в социально-политической сфере сопровождались аналогичными тем, что происходили в первой половине двадцатого века, изменениями в области языка культуры. Новые реалии, новые ценности (какие бы бурные споры и какое бы неприятие у очень многих они не вызывали) привели и к резкой трансформации языка культуры, его наглядно-образного, эмоционального строя. Прежние, уже советские образы, системы коннотаций захлестнули цунами иных смысло-образных парадигм. Второй раз за столетие оказался подрубленным целое сплетение корней у языка культуры. Более того, возможно, объективные исследования будущего покажут, что новые потрясения оказались для языка культуры еще более драматичными, чем прежние. Почему? – Да потому, что под разноцветными знаменами борьбы с советскостью, с «сектантской коммунистичностью», по сути дела, шло (и продолжает идти) разрушение национальных и классических мировых базисных элементов нашей культуры. Так, те же Пушкин, Тургенев, Дюма, Мопассан, Брюллов, Репин, Рубенс, Чайковский, Моцарт, Дунаевский – это не просто дети той или иной эпохи, и живые струи объединяющего людей языка культуры. Но объединяющего лишь в том случае, если люди с ним, этим языком соприкасаются. В противном случае разрыв, говорение «на разных языках», даже, если говорящие и слушающие пользуются, казалось бы, одними языками. Образы, имена, используемые одними остаются пустыми звуками для других, не рождая у них никаких эмоций и ассоциаций, которые сделали бы возможным взаимопонимание и сопереживание.

В качестве отдельных наглядных примеров можно привести некоторые из строк подлинно народного Пушкина. народного, но отнюдь не поверхностного. Так, авторы этих строк не раз предлагали студентам задание: «Скажите, как Вы понимаете пушкинские слова о балерине, которая «Летит, как пух от уст Эола?»

Вопрос оказывался непосильным. То же самое можно было бы сказать об «утренней Авроре».

Конечно, такие специфически античные имена могли не знать и студенты прошлых лет. Но в данном случае речь идет о том, что оказывается без знания языка культуры, причем культуры, выходящей за узко этнические границы, невозможно в достаточно полной мере постичь и свой собственный родной язык, который в противном случае так и останется языком базара, стремящемуся к упрощению вплоть до языка «Элочки Людоедки». Впрочем, и этот образ подействует лишь на того, кто углублялся в написанное Ильфом и Петровым либо знаком с экранизацией их произведений.

Но каковы же причины происходящего, каковыми могут быть прогнозы, что же мы в силах, а что не в силах предпринять?

Первая причина уже названа. – Это грандиозные потрясения в сфере социальной реальности и политической жизни. Потрясения, которые решительно меняют и язык культуры, рождая то самое ощущение «разрыва нити времен», которое не раз рождалось и задолго до двадцатого века.

Вторая же связана со стремительными изменениями в информационно-технических сферах. Эти изменения совершенно объективны. Но их последствия амбивалентны. С одной стороны, наблюдается естественная смена приоритетов и, соответственно слов, понятийно-образных систем. Так, например, слова «лапти», «онучи», «малахай», «армяк», «ямщик», «облучок, как и многие, многие иные» оказываются теми элементами богатства русского, казахского и иных языков, которые обретают скорее историческое, нежели практическое значение. Их сменяют «гаджеты», «сотки», «мониторы»... Причем меняются далеко не только слова. Мир электроники властно входит в быт, и настолько стремительно, что сегодня отмечают: тем, кто старше шестидесяти уже трудно осваивать современные автомобили, равно, как и иные из тех самых «гаджетов», с которыми легко управляют и их малолетние внуки.

Аналогичную смену приоритетов мы не просто наблюдаем, а и переживаем во многих иных сферах. Рождаются новые сказки, фильмы, мультяшки. Гарри Поттер теснит Ивана-царевича и Серого Волка, а на уровне «массовой культуры», Миладзе, Вера Брежнева или певица Елка – кумиров былых времен.

То есть речь идет о смене столь же естественной, как смена времен года. И было бы явным упрощением сводить эту смену лишь упадку современной культуры. Хотя мы не можем

отрицать, что ее стремительность зачастую приводит не только к дилемме «отцы и дети», а тому, что представители разных поколений начинают говорить на разных языках культуры и при этом не просто начинают хуже понимать друг друга, но и живут во многом в разных эмоционально-образных мирах. Явление не исключительное. По настоящему новой здесь оказывается лишь скорость раскола языков культуры.

Но при всем этом мы все более втягиваемся и в искусственно навязываемые процессы «опрощения» самой современной массовой культуры, когда в силу имеющихся технических возможностей можно формировать и потребности, и вкусы огромных масс людей. Устоявшееся десятилетиями, а то и веками, вытесняется еще и потому, что возможности нашего восприятия ограничены, а резервуары человеческого сознания и подсознания не беспредельны, что напоминает известную японскую историю-притчу о некоем профессоре, пришедшем к учителю дзен-буддизма, чтобы глубже узнать это учение. Разговор начался с традиционной чайной церемонии. Профессор стал разливать в чашки чай. Глядевший на его действия профессор не выдержал: «Господин учитель, вы продолжаете наливать, наверное, не заметив, что чашка уже полна!». Учитель же дзен спокойно ответил: «Вот видите, чашка полна, и я уже не могу ничего в нее налить. Точно так же и Вы, идя ко мне, уже заполнены собственными взглядами, предубеждениями, установками. Как же я могу научить вас чему-то?»

Притча эта – образный ключик и ко многим нашим нынешним проблемам: СМИ переполняют нас рекламой (включая звуковую, выплеснувшуюся уже на городские улицы), стандартными сериалами, зачастую малоинформативными новостями, шоу с склоками либо нескончаемыми встречами с артистами и погружением в пену шоу-бизнеса. Поэтому-то, сколько бы мы не говорили о высших ценностях и не пытались продемонстрировать их образцы, наши голоса будут так же тонуть в селевых потоках, обрушиваемых на нас СМИ, как тонут голоса певцов в грохоте нагромождаемых друг на друга динамиков.

С другой стороны, так же опасно чрезмерно рьяное повторение банальностей и штампов, которые (что наглядно продемонстрировали уже уязвимые места советской пропаганды) могут вызвать эмоциональное привыкание, а то и отторжение.

Серьезные проблемы рождает и спецификация языка науки, которая, казалось бы, должна быть флагманом, ведущим наши суда по океану Времени. В значительной мере это общемировая тенденция. Не случайно замечательный популяризатор науки Ричи Калдер еще в 1965 году в статье «Наука и непосвященные» писал: «Наука, призванная изгнать из жизни людей таинственное и магическое сама порождает тайны и магию..» А научные термины напоминают аптечку со склянками, украшенными выразительными но совершенно названиями, которые скорее предназначены для запутывания, а не понимания. (3,с.5)

К сожалению, к естественному разрастанию научных терминов у нас присовокупляется стремление «онаучить» чисто языковыми средствами и то, что, стоит снять оперення научных слов, могло бы напоминать андерсоновского голого короля, либо могло бы быть сказано проще и доступно. Примеры тому- «пилотные проекты» и многое иное, когда новыми оказываются не мысли и слова. Эта же тяга к онаученности наблюдается и в СМИ, где «саммиты» заменяют «встречи», «транши» - «переводы», а лица с экранов вещают о «волотильности» и прочем, словно околдовывая нас словами из неких, ведомых только им заклинаний.

Отмеченное здесь, сопряжено с переплетением множества объективных и субъективных факторов. Но, поскольку техника и развитие информационной сферы создали предпосылки для направления сознания и подсознания в определенные русла, постольку они же в принципе могут быть использованы и для постепенного изменения ситуации. Но это возможно лишь при замене либеральной парадигмы, когда «разрешено все, что не запрещено» другой, основанной на серьезных рекомендациях психологов и культурологов, которые бы исходили из приоритета психического и духовного здоровья нации, а не сугубо денежных интересов узких групп людей, причастных к работе СМИ. Речь идет не о цензуре, а именно о научно-обоснованных рекомендациях, связанных с серьезными наблюдениями и социальными исследованиями.

Что же касается непосредственно социально-гуманитарных дисциплин, то здесь в перспективе требуется к ним большее внимание, чем ныне. Думается, что было бы уместно вернуть философии не столько даже прежний объем часов (хотя и это было бы уместно), сколько хотя бы годовое, а не семестровое ее изучение в вузе. То есть такое изучение, при котором студентам можно было бы давать задание читать серьезные фрагменты тех или иных текстов. Потому, что философия без текста, что свадьба без невесты. Логично было бы и не впахивать изучение всех дисциплин, связанных с работой кафедры философии в очень ограниченное время. Дисциплины эти мировоззренческие, и они связаны с вопросами, которые рождаются у студентов не только на первых курсах.

Но и в нынешних условиях в КГУ им. Байтурсынова предпринимается немало усилий для оптимизации процесса обучения при всем обилии имеющихся проблем. Наши студенты участвуют в деятельности дебатных клубов, дискуссиях, обсуждении кинофильмов, посещают выставки, встречаются с ведущими представителями культуры нашей области, пишут эссе именно о

культуре Казахстана. Все это служит, пусть медленному и непростому, но так необходимому освоению языка культуры без которого знание ни одного языка не будет полноценным.

Литература:

1. Философская энциклопедия. Т.5. – М.: Советская энциклопедия.
2. Словарь русского языка. составитель Ожегов С.И. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
3. Калдер Ричи. Наука и непосвященные. – Курьер Юнеско. Февраль 1965.

References:

1. Filosofskaya enciklopediya. T.5. – M._ Sovetskaya enciklopediya.
2. Slovar russkogo yazika. sostavitel Ojegov S.I. – M._ Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannih i nacionalnih slovarei.
3. Kalder Richi. Nauka i neposvyaschennie. – Kurer Yunesko. Fevral 1965.

Сведения об авторах

Бондаренко Ю. Я. - к.ф.н., профессор Костанайского государственного университета имени А.Байтұрсынова

Бондаренко О.Ю. - кандидат культурологии, г.Москва

Бондаренко Ю. Я. - ф.ғ.к., А.Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университетінің профессоры

Бондаренко О.Ю. - культурология кандидаты, Мәскеу қ.

Bondarenko U. Ya. – Candidate of Philological Sciences, Professor of A. Baitursynov Kostanay State University

Bondarenko O.U. - Candidate of Culturology, Moscow